

Валерий
Михайлов

«НАДО ЖИТЬ! ЭТОТ МИР – НЕ ИГРА!..»

ПЕРВАЯ КНИГА

К тому времени, когда шестилетний Кадыр выучился грамоте и принялся читать свою первую книгу, он уже давно знал ее наизусть. Всю!

Понимаю, звучит фантастично. Но что поделать, если так оно и было.

Латинские буквы, а книга была на латинице, складывались в слова, слова в предложения, и все это он хорошо помнил и знал. Как улицу за окошком. Бывает, зимою запотеет стекло от растопленной печурки, и надо потереть его ладонью, чтобы из тумана снова появился мир: глинобитные домишки, снежная дорога, поземка и скачущий под ее посвист волшебнo-колючий шар перекаати-поля. Так и немые буквы, плотными рядами выстроенные на странице, когда учительница объяснила их смысл, вдруг ожили. Они зазвучали важным и напевным голосом дяди.

Это было перед войною в их далеком степном поселке Джамбейты. По вечерам вокруг дяди собирались седобородые старики, бабушки в ветхих плюшевых камзолах, устраивались поудобнее на подушках, и дядя раскрывал книгу. Начинал читать. Дети, что теснились по углам на кошмах, шушукались, возились и толкались, тотчас замолкали. Перед глазами, в воображении возникали молодецкие скачки, лихие набег конников, свист стрел, звон мечей и скрежет копей о кольчуги. Гордая красавица Жибек на берегах Жаика-Урала – землячка! – тосковала в одиночестве, дожидаясь возвращения своего возлюбленного Тулегена, а он, смертельно раненный, лежал в степи и смотрел в небо, прощаясь с шестью гусями, передавая с пролетными вольными птицами последний привет родной земле...

Та первая книга, которую Кадыр увидел в жизни, называлась «Сорок батыров». Не было ее любимей в аулах, среди простого народа. И не потому, что на казахском тогда издавалось мало и книги по редкости своей становились роскошью. Драгоценным было содержание: былины, легенды, сказания. Прежде они из уст в уста передавались сказителями и у каждого степняка, с младых лет, незаметно делались частью его душевного мира. Минувшее словно оживало вновь, безмолвное пространство наполнялось жизнью, дух времен ветром проносился по серебристым метелкам ковыля, дышал в сладости полевых цветов и в горечи полыни. А родниковый, чистый язык былинной старины – разве им можно было когда-нибудь вдосталь напиться!..

Убаюканные чтением, засыпали, свернувшись калачиком, малыши, лишь один Кадыр, казалось бы, только ободрялся мелодичным речитативом, льющим из уст

дяди. И впоследствии, когда, бывало, по занятости не приходил дядя к старикам, мальчик сам брал в руки книгу и произносил наизусть неожиданно вошедшие в память строки. И, разве только затем, чтобы не нарушать обычая, время от времени перелистывал книжные страницы. Казаться читающим было ему совсем не трудно, ведь по ночам во сне Кадыр слышал то тот, то иной отрывок из «Кыз-Жибек» – стихи древней поэмы уже давно жили в сознании.

А когда через несколько месяцев он пошел в школу, читать их учили по той же книге «Сорок батыров». И, одолевши алфавит, складывая по слогам слова, он обнаружил, что строка за строкой, страница за страницей совпадают с тем, что он помнит наизусть.

«ЗА БЛИЖНИМ ДОМОМ НАЧИНАЛАСЬ ДАЛЬ...»

Джамбейты... Степь да степь кругом и далеко еще во все стороны... До Уральска сто с лишним верст... Само слово – калмыцкое. Когда-то по этой земле шли на восток непоседливые племена. В первый раз казахи пропустили воинственных всадников, но потом встали на их пути стеной. Была сеча. От летучих, как ветер, конников сохранилось лишь название поселка...

Здесь родина батыра Сырыма, что поднял восстание за свободу. Ныне район называется Сырымский. В недавние времена развивающегося и наконец развитого социализма люди знающие предпочитали помалкивать (а иные и вовсе не ведали) о том, что после революции на короткое время этот отдаленный поселок был как бы младшей столицей Алаш-Орды.

– Вот там я и вырос, – рассказывает мне поэт Кадыр Мырза Али. – В бе-е-едной-бедной семье. У нас даже дома не было. А жить в деревне и не иметь собственного угла – знаешь, что это такое?.. Помню, кочевали из одного дома в другой. То у дальней родни ночуем, то у друзей, то у знакомых. Потом в Уральске открылся Комвуз, что-то вроде партшколы, и моего отца направили туда учиться. Мы поехали за ним. Но областной город той поры я почти не припоминаю, ведь мне было всего года три-четыре. Остался в памяти лишь Казахский драмтеатр, наверное, ходили туда на представление. Вскоре отец тяжело заболел, учебу ему пришлось бросить, и мы вернулись в Джамбейты. Теперь и непонятно, на что существовали. Отец хворал, мать неграмотная... а какая в захолустье работа? Потом отцу все-таки удалось куда-то устроиться, но в 39-м он попал под суд и оказался в лагере. Наказание отбывал в России, мне так и не удалось выяснить, где... Когда началась война, попросился на фронт – и ему дали разрешение. Был ранен, в 43-м вернулся домой. Недолго ему оставалось жить...

...Дома я раскрываю последний московский сборник стихов Кадыра Гиняятовича, вышедший незадолго до развала Советского Союза. Он называется «Колчан». Прекрасно издан, и нынче, через десяток лет, как новый. Перечитываю его стихи о детстве, которыми завершается книга. Стихи, они всё расскажут или почти всё.

О детство мое! Вечный звон капли,
Росток, зеленеющий на меже,
И ветер радостный в крепком теле,
И одуванчик хрупкий в душе.

О детство мое! Ты глядишь на солнце,
И шар поворачивается не спеша,
И тело за бабочкой вдаль несется,
И смотрит в раздумье на мир душа...

ИМЕНИ СЛАДОСТНЫЙ ДАР

– Я довольно рано почувствовал нечто загадочное в своей жизни. Да, скорее ощутил это, чем осознал. Даже с днем рождения вышла какая-то загадка... – Тон голоса Кадыра Мырза Али прост, добродушен, шутиливо-улыбчив, но очень быстро начинаешь понимать, что эта созерцательная самоотстраненность соткана из постоянной, живой, вдумчивой работы мысли, пытающейся заглянуть все глубже и глубже во все на свете, тем более в смысл судьбы. – Когда осенью 1941 года мама, Магараш, повела меня в первый класс, оказалось, что свидетельства о рождении у меня нет и возраст мой неизвестен. Я родился в соседнем Каратюбинском районе, и отец, видно, не потрудился вовремя взять справку. Казахи тогда, как впрочем и всякие селяне, не очень-то пеклись о разных бумагах, документах, поскольку насущные заботы одолевали. Время рождения детей помнили приблизительно, да ведь и малышей было в семьях помногу, разве все удержишь в памяти? Стали расспрашивать маму, но что она скажет, если читать-писать не умеет? Повели меня к врачихе в больницу. Та до-олго осматривала, потом велела открыть рот. Пересчитала зубы. И твердо так заявляет, что я родился не иначе как в 1935 году. Мать кивает, соглашается, припоминает, что зимой это произошло. «А месяц и день рождения выбирай себе сам!» – говорит мне врач. Я задумался. Спрашиваю у мамы: какой первый месяц в году? – Январь, – отвечает. Начало года мне понравилось, и я выбрал январь, а число – пятое. Так и записали. И оказалось впоследствии, что хоть был я маленький, а свой день рождения пророчески определил!

Моего отца звали Гинаят, это имя взято муллою из Корана. И меня отец назвал именем из святой книги мусульман. По окончании поста – оразы есть ночь всепрощения – Кадыр-туны. В эту ночь люди не спят: открываются небесные врата, и каждый должен поговорить с Аллахом. Понятно, что перед этой встречей верующий должен очиститься постом. И так получилось, что день своего рождения, конечно, тогда ничего еще не зная, я выбрал в точности и в соответствии со своим именем: в том году ночь всепрощения как раз была в начале января...

«В минуту рождения каждый имя свое себе в сладостный дар получает», – таким широким дыханием поет Гомер во второй песни «Одиссеи» о наречении младенца. Издавна известно, что у имени есть своя философия, своя духовная сущность. Незадолго до нашей беседы я прочел великолепную, пронизанную глубинными интуициями, работу священника Павла Флоренского «Имена». По его убеждению, имя действительно направляет жизнь личности по известному руслу и не дает потоку жизненных процессов протекать где попало. «Но в этом русле *сама* личность должна определить свое нравственное содержание», – полагает философ. «Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы ее жизни. Но это не значит, что, именем определенная, личность не свободна в своем имени – в его пределах. И прежде всего: каждое данное имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей. Верхний полюс имени – чистый индивидуальный луч божественного света, первообраз совершенства, мерцающий в святом данного имени. Нижний полюс того же имени уходит в геенну, как полное извращение божественной истины данного имени...» То есть речь идет об ответственности человека, с самого раннего его возраста, перед своей судьбой, перед своим именем. Недаром, например, в песнопениях святому поется: «Достоинo имени еси пожил, Георгие».

Естественно, что по окончании той нашей встречи с Кадыром Мырза Али я заинтересовался толкованием его имени в Исламе. И обратился за разъяснениями к одному своему другу, который в последние годы всерьез увлекся суфизмом. «Кадыр – это

тайна Бога, ее не знает ни приближенный к Нему ангел, ни Его посланник», – такую выдержку из источников мусульманского учения привел мне в ответ мой товарищ.

Чуть позднее, порывшись в своих архивах, он добавил:

– Суфийский мыслитель XII века Русбихан Бакли приводит следующий, приписываемый Пророку хадис: «Кадыр – божественная тайна со времени до творения; и никакие сотворенные во времени существа не могут ее разгадать».

Поразительные слова! И какие глубины открываются в этом имени!..

Но ведь и поэзия, подумалось мне, это божественная тайна, разгадка которой никому, даже самим поэтам, не ведома...

«ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИКОВ»

Из первого своего стихотворения Кадыр Гинаятович сейчас не помнит ни строки, зато не забыл подробностей того, как оно появилось.

После войны, в 46-м году, он учился в шестом классе. Тяжелое было время, для всей страны, а в отдаленных глухих местах вроде поселка Джамбейты, по сути, свирепствовал голод – до начала 50-х годов. Почти все его маленькие братья и сестры не пережили ту страшную пору, так же было и в других семьях. Хлеб выдавали раз в день, по карточкам, обычно с десяти утра, но еще накануне с вечера скапливалась громадная очередь. Тут же люди коротали ночь и с рассвета давились у закрытого окошка. Однажды, вспоминает Мырза Али, и ему, одиннадцатилетнему подростку, пришлось выстоять эту бесконечную очередь. «Был я совершенно голодным. И, когда получил драгоценную буханку, ничего не смог с собой поделаться. Отломил от корочки и торопливо проглотил. Потом... – помнишь первые телевизоры? Выключаешь его – и долго на черном экране не гаснет четырехгранное пятно. Постепенно оно тускнеет и наконец пропадает совсем... – Вот так тогда и в моих глазах потемнело, весь мир су-у-узился, до мутноватого белого окошка, и больше ничего не помню. Оказалось, я потерял сознание и упал... Вот такое было время... А школу вскоре пришлось бросить, не было сил туда ходить».

Первое стихотворение Кадыр сочинил как раз незадолго до этого случая. В послевоенном поселке был полный развал: единственный клуб не работал. Но вот однажды на дверях «очага культуры» повесили объявление: в Джамбейты приезжают с концертом самодеятельные артисты из Актюбинска.

– ...Это было целым событием для поселка, и, конечно, мы, детишки, пробрались на концерт, – рассказывает Кадыр Гинаятович. – Кто в окошко влез, кто проник через задний ход: на билеты у нас денег не имелось. И выступал там среди других один парень, спел песню «Шестнадцать девушек». Кстати, у Гарифуллы Курмангалиева тоже есть в репертуаре песня под таким названием, его коронный номер, – но та народная. У актюбинца же была своя, и мелодия собственная. В каждом куплете – о разной девушке. Шестнадцать куплетов – и столько же характеров! Веселая песня, остроумная, мне очень понравилась. Вернулся домой – и вот вдруг очень сильно захотелось такую же сочинить. Но я решил придумать – про мальчиков. Весь загорелся! Однако... написал куплетов шесть-семь, а дальше дело не пошло. Назавтра принес стихи в школу – ребята читают, хохочут. Листок со словами – нарасхват. Дошло даже до преподавателей, они тоже смеялись, одобряли...

Разумеется, неспроста, не на пустом месте возник этот первый толчок к творчеству. К тому времени Кадыр уже давно сделался заядлым книголюбом. В Джамбейтах располагалась районная библиотека. «Не знаю, сколько на русском, а на казахском книг было множество», – вспоминал поэт. Кадыр записался в абонемент

лет в восемь и с тех пор стопками уносил книги домой, а через день-другой приходил за новыми. Конечно, библиотекари быстро заметили юного читателя. Выяснилось, что у него к тому же прекрасный почерк. Когда из Книжной палаты приходили свежие экземпляры изданий, Кадыра стали звать на подмогу – заполнять карточки. Мальчик добросовестно выполнял работу и за это получал новые книги на дом. Так, перечитав в библиотеке все что было, он сделался и первым читателем новинок художественной литературы. А библиотеки в те времена снабжались превосходно: поставки были централизованными.

Но все-таки, наверное, и то недописанное стихотворение про шестнадцать паренков подсобило подростку, когда в шестом классе, из-за крайней нужды, он вынужден был оставить школу. Тогда люди, по его словам, были добрее, отзывчивее душой, чем нынче. Узнав про случившееся, прежняя классная руководительница, что знала Кадыра с малолетства, принялась за него хлопотать. Куда только ни ходила – в районо, в райисполком, в райком партии. И добилась своего – мальчика приняли в интернат, который, понятное дело, и без того был переполнен.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Таблица Менделеева

(Шутка)

Таблица, таблица! Я в детстве ее изучал,
Пятерки и двойки в те дни за нее получал.

Давно я не школьник. В делах и трудах поседел.
И... как-то по-новому вдруг на нее поглядел.

Порядок вселенский, как слышал я, в ней отражен.
«Да где ж тут порядок?!» – воскликнул я, вдруг поражен.

Титан, для примера. Титан – победитель, герой!
А тут прозябает он в клеточке двадцать второй.

«Железный характер!» – кому-то привычно мы льстим.
В таблице железо под номером двадцать шестым.

А золото, платина – ваши места каковы?
Ах, семьдесят девять и семьдесят восемь, увы!

А что же величие ваше и ваша цена?
И золото меркнет и платина скромно-бледна.

И, надо сказать, возникает вопрос неспроста:
Кому ж присуждаются здесь призовые места?

Взгляните, пожалуйста, кто протолкался вперед:
Бесцветный и легкий родитель воды – водород.

Такой беспорядок в одной из точнейших наук,
На что же нам в жизни с тобой обижаться, мой друг?

АЛМА-АТА

...Выпускные экзамены сдавали в районном клубе. В зале стояли три ряда парт: по центру сидел казахский класс, слева от него русский, а справа те, кто сдавал на аттестат экстерном, ведь после войны многие фронтовики наверстывали свое образование. Кадыр первым решил задачу по математике, переписал на чистовик и вдруг заметил, как рядом мучается с непосильной алгеброй мужчина в гимнастерке, на которой тускло блестел орден Красной Звезды. В ответ на красноречивый взгляд соседа юноша без раздумий сунул ему свой черновик.

Прошло несколько месяцев. Серебряной медали он не дождался, в области ее «не утвердили». Да и аттестат из Уральска прислали слишком поздно, восьмого августа, когда вступительные экзамены в институты уже начались. На работу просто так не устроишься, дома, как обычно, шаром покати... Однажды Кадыр брел в грусти по изнывающему от жары поселку и встретил того самого фронтовика, с кем весной сдавал математику в клубе. Мужчина тоже узнал его, остановил, расспросил о жите-бытье и велел завтра прийти в райком комсомола.

– Оказалось, что он первый секретарь. Утром говорит попросту: давай ко мне на работу! Дескать, очень ты меня выручил на экзамене, и теперь еду в столицу продолжать образование. «Последний свой приказ по райкому сегодня издаю – назначаю тебя заведующим отделом пионерской работы». Словом, помог мне этот человек, или, как говорят казахи, погладил по голове.

Около года молодой парень работал в райкоме, откладывая из небольшой зарплаты деньги, чтобы было на что поехать в Алма-Ату на вступительные экзамены. И 18 июля 1953 года он наконец-то оказался в зеленой, уютной, журчащей арыками столице республики.

Поступал Кадыр, разумеется, на филологический факультет университета. Сдавали целых девять предметов.

– ...Представляешь, на основном экзамене попадается мне вопрос: «Горький и мировая литература»...

Я невольно рассмеялся:

– Но ведь это же тема по меньшей мере кандидатской диссертации!..

– То-то и оно. Смотрю, преподавательница строгая, да и из себя такая крупная, монументальная. Звали ее Татьяна Владимировна Поссе... Напряг я всю свою память – и между прочим ответил! Потому что кое-какой материал знал по казахским источникам. Помнишь, был такой писатель в Америке, Говард Фаст? Его называли прогрессивным за коммунистические убеждения и считали американским Горьким. Рассказал про него, про Лу Синя, которого величали китайским Горьким, про лауреата Сталинской премии Андерсена Нексе. Ну, и другие подобные примеры... Закончил – она молчит, меня разглядывает. Думаю про себя: наверное, «двойка», в лучшем случае «тройка». Наконец говорит: «Извините, молодой человек, ваш русский никуда не годится, а ведь вы собираетесь быть филологом. Что касается вашего ответа... то я и сама не знаю, как отвечать на этот билет. Удивительно, разве можно абитуриентам такие вопросы задавать! Тут, уверена, и студент голову сломит... А из вас, должна сказать, непременно получится литератор – попомните мое слово. – И отдает мне экзаменационный листок. Гляжу – «пятерка»!

С самого начала своего студенчества Кадыр принялся упорно изучать литературу. «Так упорно, что никто даже не представляет...» – признается поэт теперь, по прошествии полувека. Первым делом осваивал мировую, в особенности русскую, классику и, само собой, всю казахскую литературу, от фольклора до современников. Русским языком он владел еще не вполне, приходилось частенько заглядывать в

словарь, но и это обстоятельство не остужало читательский пыл. После занятий до упора сидел в библиотеках, читальный зал стал родным домом. А о своем приходилось только мечтать. С какой завистью он глядел на светящиеся окошки окраинных саманок, когда возвращался по вечерам к себе в Тастак. Ему бы свой угол! Да куда там...

Тогда же, в первые годы студенчества, чередой пошли стихи. В журнале «Пионер» появилась первая подборка стихотворений. В 1955-м году, выступая на 3-м съезде писателей Казахстана, редактор этого журнала Музафар Алимбаев с большим одобрением отозвался о творчестве молодого поэта. Так начался путь к признанию.

КРЫЛАТЫЙ КОНЬ ПЕГАС

В наших беседах Кадыр Гинаятович ни словом не обмолвился о естестве своего дара, он лишь заметил, что без творчества, без чтения не смог бы жить. Очевидно, что это условие все определило в его судьбе. «Я избегал того, что могло бы повредить стихам. Сознательно, преднамеренно уходил от этого. Скажем, никогда не работал в газетах. Предчувствие, что ли, такое было: что не выгодно поэзии, от того следует уклониться. Иначе погубишь себя...» Когда все же донимало житейское море с его волнами, пеной, поэт обращал взор в детство, отдыхал, как он говорит, на стихах для детей. Давно известно, сколько в человеке ребенка, столько в нем и человека. То есть чистоты, искренности, непосредственности. Счастливое свойство свежего, незамутненного ощущения жизни, что присуще детям и отнимается у взрослых, похоже, никогда не оставляло Кадыра Мырза Али. Это, конечно, не значит, что испытания обошли его стороной.

Поэту всего достается вдвойне, втройне: и собственная боль, и трагедии родной страны и мира проходят первым делом через его сердце. Понятно, каким способом стихотворцы издавна заглушают этот переизбыток. Твардовский, незадолго до смерти, обронил: «Пожили, водочки попили, / Будет уже за глаза...». Но и от сей непереносимой пагубы, кажется, выше был убережен Кадыр: по его шутовому признанию, желудок у него оказался умнее головы, ибо никак не принимал в себя больше отмеренной – и, заметим, весьма умеренной – дозы зелья, отвергая малейший излишек. «Доктора, те вообще смеялись и говорили, что мне несказанно повезло. Ведь это естественное чувство меры! Я даже когда хотел напиться – не мог этого сделать. И потому всегда был в рабочем состоянии».

Поначалу Кадыр, как и всякий молодой сочинитель, следовал произволу настроения и писал, что на душу ляжет. Но потом ему разонравилась эта прихотливая смена чувств, ибо в результате появлялось нечто отрывочное, лишенное полноты мысли и самовыражения. Однажды, сочиняя для детей, а начинал печататься поэт в журнале «Пионер», он невольно принялся отбирать стихи по темам, подыскивая затем свое единственное место каждому стихотворению. И вдруг заметил, что складывается какая-то необычная книга. Она вырастала естественно, как бы сама из себя. Одно к одному подобрались стихи о природе. Затем возник ряд стихов о языке, с грамматическими упражнениями в рифму, и все это завершилось стихотворением о знаке препинания – точке. Далее появились циклы о животных, о профессиях.

– Я так и назвал эту книгу – «Уроки», – говорит Кадыр Гинаятович. – Будто приходит ученик в школу, и такое у него расписание занятий: языкознание, природоведение, зоология, труд. Гляжу, чего-то не хватает. Ну, не только же в школе сидят за партами. А перемены? И вот на первой перемене ребятам загадываю

загадки. Большая перемена посвящена побасенкам. Третья перемена – сказкам, а последняя – дразнилкам. Потом в книге появился и дополнительный урок – о красноречии. И, наконец, последний звонок.

Вот передо мной эта удивительная книжка, живая, умная, веселая. Цельная в своем разнообразии. И, хоть я давно не школьник, читать мне ее интересно.

Немало детских книжек выпустил Кадыр Мырза Али в прежние времена, когда издательское дело у нас процветало. Теперь он составляет из них полновесный двухтомник. Впрочем, не только составляет...

– Иногда мне как-то скучно становится – и тогда начинаю писать для детей!..

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Та детская книга и для самого поэта стала *уроком*: и в лирике он полюбил писать циклы стихотворений. В этой тематической сцепке, как правило, два-три десятка стихов, вполне самостоятельных, но дополняющих друг друга новыми гранями и оттенками общей идеи.

– Книгу не видишь заранее. Но напишешь один цикл, и он подсказывает другой, а тот вызывает к жизни третий. И вот уже понемногу вырисовывается книга, – говорит Кадыр Гинаятович. – Вообще, если я чем-то отличаюсь от других казахских поэтов, то вот именно этим качеством: меня всегда тянет к некоей законченности. Я не сборники составляю – а пишу книги стихотворений. То есть создаю цельные композиции стихов.

И Мырза Али заключает:

– В этом я что-то открыл. Открыл не в поэзии – в себе. Свою натуру, наверное, нашел, свой взгляд на мир.

В начале 70-х годов, вслед за «Уроками», Мырза Али задумал книгу стихотворений о Казахстане. Вдохновила его красота родной земли – Наурузум с его сосновым бором, Баянаул с древними скалами и чистыми озерами и, конечно, раздольные приуральские степи, знакомые с детства. Известно, казахи по географическим, племенным и родственным отношениям делятся на жузы, Кадыр Гинаятович же придумал свою географию страны – поэтическую. Там тоже три жуза. Первый из них – Простор. Он включает в себя стихи про степи: Западного Казахстана, Тургая, Туркестана и других краев. Второй жуз – Высота. Это стихотворные произведения о горах Заилийского Алатау, Саура и Тарбагатая, Каратау и прочих горных хребтов. И, наконец, третий поэтический жуз – Глубина. Понятно, тут речь идет о морях и озерах: Каспии, Зайсане, Балхаше. Стихи рождались после многочисленных поездок по стране, чего не увидел своими глазами и не полюбил – о том поэт не писал. Разумеется, основой книги стали стихи лирические, но были и такие, где звучали мотивы истории, ощущался публицистический накал.

Контуры книги уже вырисовывались, отборные стихи ложились одно к одному, как кирпичи на сооружении красавца-дома...

– И тут вдруг возникли лирические отступления, которые дали книге объем, пространство, дыхание времени. Первое из отступлений я назвал – «Утро», в него вошли стихи о детстве. Второе, «Полдень», включило в себя стихотворения о юности. И третье, «Вечер», – о старости. Самое любопытное, что «Вечер» практически уже был мною написан: как ни странно, в молодости я сочинил довольно много о закате жизни, меня тогда это очень волновало, и, помнится, покойный Габит Махмудович Мусрепов любил эти мои стихи...

В конце 70-х годов за эту книгу стихотворений поэт был удостоен Государственной премии Казахстана. Однако замысел был столь обширен, а его воплощение – столь тщательным, что работа продлилось еще на два десятка лет. Лишь в прошлом году Кадыр Гинаятович завершил ее, издав окончательный вариант своей поэтической географии страны.

ЛУЧШЕЕ УЧЕНИЕ

Еще школьником Кадыр купил свои первые книги, это были «Белый клык» Джека Лондона и «Остров сокровищ» Стивенсона, обе на казахском. Тогда книги детские, да и взрослые – из «Народной библиотеки», издававшей классику, стоили копейки и были доступны по цене всякому. И студентом выкраивал гроши, чтобы купить книгу.

Постепенно составила своя библиотека. Да такая, что впоследствии о ней в писательской среде пошли слухи. И, разумеется, я давно хотел взглянуть на это собрание книг.

Мне удалось увидеть его старый кабинет с книжными стеллажами по стенам. С одного взгляда стало ясно: каков хозяин, такова и библиотека.

Книги стояли в системном порядке: полки с двухсоттомной «Всемирной литературой», классика древнего Запада и Востока, ряды немецкой, английской, французской, американской литературы 18-20-х веков, длиннющий строй «ЖЗЛ», конечно, в изобилии казахская и русская поэзия и проза.

Долго я разглядывал поблекшие корешки. Здесь были и очень редкие книги. Вот шеститомник Хлебникова, изданный в середине 20-х годов, до сих пор это самое полное издание творений того, кто называл себя Председателем Земного Шара. Или прижизненный сборник стихов Клюева «Сосен шум»... А ведь все это приобреталось и читалось в годы, когда Клюев был под запретом, а Хлебников не переиздавался.

Отдельный стеллаж, рядом с рабочим столом, занимали словари, причем тюркские языки, древние и новые, были представлены во всей полноте. Вот в какие глубины родного языка погружается поэт, вот откуда он черпает редкие слова и понятия.

Восторг от прочитанного бывает подобен взрыву: хочешь поделиться радостью со всеми. Но как донести это широкое чувство до самых близких – родных и земляков, если книга, которая тебя восхитила, на чужом языке, если она принадлежит другой культуре? Есть только одно средство – художественный перевод.

Пушкин как-то сказал: переводчики – почтовые лошади просвещения. Трудно возразить. Конечно, в наше время из страны в страну перемещаются уже не гужевым транспортом, но меткости своей образ отнюдь не утратил.

В этом смысле Кадыр Мырза Али – настоящий аргамак. К пятнадцати томам собрания собственных сочинений он готов хоть сейчас добавить одиннадцать томов избранных переводов. Избранных – то есть лучших из того, что он сделал на этом поприще литературы. В его переводах на казахском языке выходили многие произведения Овидия, Гюго, Петефи, Твардовского и других классиков мировой словесности. Особая его гордость – Есенин, один из любимейших поэтов, – том есенинской лирики на казахском Кадыр Гинаятович считает своей творческой удачей и высшим своим достижением в переводческой работе.

Другое увлечение всей его жизни – загадки народов мира, с которыми он знакомит казахского читателя. Он уже собрал и перевел загадки более ста народов, и работа продолжается.

«РОК»

Нет писателя, равнодушного к тайнам судьбы и тайнам творчества. И своим, и братьев по перу, рассеянным, так сказать, во времени. Судьба и творчество сливаются в своих глубинах, или, быть может вернее, имеют общий исток, предопределенный свыше. Какими были те, чье слово пережило поколения и по сути стало бессмертным, насколько бессмертен сам язык? Это смолоду волновало Кадыра Мырза Али.

Потребность разрешения сего вечного таинства пристрастило его к чтению воспоминаний и жизнеописаний, дневников и литературоведческих исследований. Поразившее – записывал для себя. Спустя время возвращался к этим записям и вновь их обдумывал. Выискивал, дома ли, в читальнях, малейшие подробности их жизни. С годами выписок скопилось так много, что потребовалась картотека. Но зато и думы о великих мертвецах постепенно обрели стройность. И – будто сам по себе – собирался материал, созрел замысел совершенно неожиданной для него книги.

Однажды писатель почувствовал, что все стало на свои места и пора садиться за стол. Он разобрал огромную картотеку и в три месяца написал книгу в 20 печатных листов, а это, заметим, 450 машинописных страниц. Назвал ее древним казахским словом – «Жазмыш», что значит по-русски «Рок».

– ...Знаешь, что самое поразительное? Ни одного счастливого писателя в мировой литературе я не обнаружил. Ни у древних – греков, китайцев и других, ни в средние века, ни в наше время, – говорит Кадыр Гинаятович. И добавляет тихо: – По-моему, быть творческим человеком – это абсолютная, стопроцентная трагедия.

Так всегда было. Вот, к примеру, древнекитайский лирик Ду Фу. Как он голодал! Как страдал, когда умерла его единственная маленькая дочь!.. Или Вийон, из французского Средневековья, – в какой дикой нищете прожил он свою жизнь... У кумыков был поэт Джирши, явно казах по национальности. Тот однажды пришел к правителю и выступил с обличениями. Наутро его нашли мертвым... А жизнь нашего современника Мукагали Макатаева? Вечные страдания, лишения... Или Бердибек Сокпакабаев, автор светлой детской повести «Меня зовут Кожа». За свои взгляды, в недавние годы, попал под пресс органов госбезопасности. Загадочно погиб. Ни за что не поверю, будто он повесился, не такой был по характеру. Скорее его, как Есенина, сначала убили, а потом засунули в петлю.

Вообще, подозрительных смертей очень много. Одна из них – смерть Жубана Молдагалиева. Жубан, во время известных событий декабря 1986 года, совершил героическое, на которое другой вряд ли был способен. Он сказал великую, ошеломительную правду в лицо властителю. Его смерть, в любом случае, на совести Колбина. Так мне подсказывает логика. Да, поэт был болен, но не смертельной была его болезнь...

Лев Толстой. Казалось бы, благополучен, богат. Но что за трагическая личность! Я читал его дневники: все время, с молодости, он клянет и ругает себя последними словами... Признаться, искал у него человеческие слабости, особенно пристрастно изучал его отношение к инородцам. Ведь он учился в Казани, служил в Севастополе и на Кавказе. И что же? Нигде ни малейшей нотки национального превосходства. Уважение, расположение ко всякому народу. Изучает религии, ищет основополагающее в них... Что за гений!.. А вот Достоевский в этом смысле мне не нравится. В его «Дневнике писателя» нашел такую мысль: кому, дескать, нужен украинский язык, всем славянам достаточно русского языка...

Замечу, что процесс творчества даже у здорового человека является сложнейшим, запутанным явлением. Ты вроде бы все видишь, чувствуешь, понимаешь, но по-настоящему осмыслить этот процесс все равно не можешь. Повторяю, это явление – тайна за семью печатями, она не вмещается в человеческий разум...

...Потом я внимательно пролистал книгу Кадыра Мырза Али, вошедшую в 12-й том его собрания сочинений. Она четко выстроена по главам. Снова невольно отмечаешь про себя *системность* его мышления. Исследуется все – от пророческого дара поэтов, их отношения к женщине, любви до мелких привычек в одежде и склонности к вину и наркотикам. Мелькает множество известнейших и незнакомых имен – в этой удивительной книге более тысячи (!) персонажей... Жаль, что она еще не переведена на русский, думаю, это дело ближайшего времени, да и вообще считаю, что у этого исследования о *трагедии творчества* впереди долгая и счастливая судьба...

– Вот такие они, поэты. Мудрецы, пророки и... глубоко несчастные люди. И вообще, я думаю, поэт не должен быть счастливым. Если он счастлив – он не поэт. Поэзию питает – несчастье. – Кадыр Мырза Али замолкает в задумчивости. – ...И вот почему. Человек, попав в настоящую беду и будучи не в силах ничего поправить, обретает абсолютную свободу. Ему нечего терять! И он становится всех смелее, всех безогляднее, всех искреннее и правдивее...

Еще до выхода в свет книга Мырза Али «Жазмыш» – «Рок» сделалась необыкновенно популярной. Ее печатала с продолжением газета «Жас Алаш». По четвергам, когда появлялся очередной отрывок, у киосков выстраивалась очередь читателей. Редакцию донимали звонками и письмами: когда же книга появится отдельным изданием? И читателей можно понять: т а к о й книги еще не было в казахской литературе. Да и в мировой словесности, замечу от себя, что-то не очень припоминаются подобные труды...

ПОЭЗИЯ

* * *

Как печали порой не вселиться в глаза,
Как не чувствовать в сердце тоску:
Жизнь пронесится быстро, как в мае гроза,
Как последние дни в отпуску.

И ни горечь лекарства, ни дым папирос
Не могли никогда заглушить
Этот вечный и неотвратимый вопрос:
Как достойно и правильно жить?

Примеряться, раздумывать – времени нет:
Надо жить! Этот мир – не игра!..

Поэзия – дух языка. И живет она только в родной стихии, в родном слове. Один поэт назвал переводы *пересаженными цветами*. Но что останется от вольного полевого цветка, помести его в другую почву?.. Стихи, конечно, можно перевести, но поэзия – непереводаема. И лишь тот способен почувствовать ее, кто вполне, до глубин и тонкостей, знает язык, на котором написано стихотворение.

Иначе говоря, по одним только переводам на русский не составишь верного представления о поэзии Кадыра Мырза Али (а ведь у него очень много еще осталось на языке оригинала).

– У русских так много замечательных поэтов, – говорит Мырза Али. – Даже великих много. Но не все они – русские душой. И вот что я скажу как переводчик: истинно русских по духу всего труднее переводить. Самые непереводаемые: Пушкин,

Есенин, Твардовский, Тютчев. Впрочем, конечно же, непереводаемость – свойство всех истинно национальных поэтов. Таковы Абай, Махтумкули, Токай. А вот Низами, Навои и другие стихотворцы *восточной ветви* поэзии очень легко переводятся на другой язык. Потому что они не национальны, а вообще принадлежат культуре Востока.

– Твардовский не признавал Пастернака, – продолжает Кадыр Гинаятович. – Спрашивается, почему? Да потому что у Твардовского был один критерий: национальный ты поэт или нет? Ведь на каком бы языке ни писал стихотворец, он думает своей кровью.

Возьмем Махамбета. Вот уж кто истинно национальный поэт! У него народные корни еще глубже, чем у Абая...

Я спрашиваю Кадыра Гинаятовича, нравятся ли ему, как переводят его стихи на русский.

– Ну, лучше всех получается у Ильи Фоякова. Кушнер, тот по характеру книжник – и переводы у него получаются книжные... Коротко говоря, мои стихи все-таки не очень поддаются переводу. А значит, я тоже, наверное, в какой-то мере национальный поэт! – улыбается Мырза Али.

И тут, полагаю, самое место дать слово знатоку казахской лирики Абишу Кекилбаеву, который, кстати, и сам превосходный поэт. В послесловии к собранию сочинений своего собрата по перу он пишет:

«Кадыра Мырза Али знают все, начиная от малышей, которые еще не умеют читать, и заканчивая старыми людьми, которые не различают букв без очков. И, даже если им незнакомо имя поэта, они знают его стихи.

Малыш и не подозревает, что первый стишок, который он с пылом читает повсюду, принадлежит такому маститому писателю. Строки детских стихов выстраиваются в стройные ряды, полновесные, как залитые свинцом асыки. Они легко заучиваются, понятны и безупречны с точки зрения стихосложения. Его сказки, баллады, занимательные истории, описания природы, притчи, дразнилки, скороговорки, загадки, считалки, диалоги пополнили казахскую детскую литературу и стали поистине хрестоматийными образцами. Они развивают детей духовно и будят их пытливость.

Прислушайтесь к словам песен, что распевают ваши повзрослевшие сыновья и дочери! Прислушайтесь к стихам, которые они заучивают наизусть, незаметно воспитывая в себе чувство прекрасного! Со времен Абая и доныне, среди лучших стихотворений, завораживающих своей напевностью, чьи слова сразу же околдовывают тебя, вы обязательно встретите лирические произведения Кадыра, самобытные, отмеченные неповторимым обаянием.

Да что говорить о молодых, если даже мы сами, бывает, в сложных передрыгах, когда теряешь почву под ногами, когда уже кажется, что нет выхода из тупика и в опустошенной душе все мертво, ищем опору в творениях мыслителей, златоустов, наследников Бухар-жырау и Махамбета – и в этом списке избранных непременно значится имя Кадыра.

В чем секрет его широкой известности и славы? Он – в скромности поэта. Кадыр не создан для шумных декламаций на собраниях, он поэт доверительного диалога с глазу на глаз. Ему чуждо высокопарное краснобайство, ему свойственна проникновенная речь, призывающая к возвышенным чувствам и мыслям. Он ищет единомышленников, чтобы поделиться сокровенным, – и читатель отыскивает его стихи, чтобы укрепить свою душу. Вот в чем одна из магических тайн его поэзии, вот в чем природа его лирики, которая отличается редкой искренностью и затрагивает самые глубокие и потаенные струны души».

РОДИНА

Несколько лет назад власти Западно-Казахстанской области сделали своему знаменитому земляку подарок – вручили ключи от квартиры в Уральске. Так, через полвека с лишним, у него, в детстве не имевшего своей крыши над головой, появился *свой дом на родине*. Теперь Кадыр Гинаятович часто приезжает в любимые места.

Всякий раз Мырза Али едет, за сотню километров от Уральска, в Джамбейты. Навещает могилу матери, Магараш. На скромном памятнике – его стихи:

Бала болып қызық көрмей ақ,
Күйеуден де қызық көрмей ақ,
Бала дан да қызық көрмей ақ,
Өтті міне өмірден бір пенде.
Баласы Қадыр.

Или, в дословном переводе:

Не познав радости в детстве,
Не познав радости в семье
И не увидев радости от своих детей,
Светлым ангелом покинула этот мир.
Сын Кадыр.

Нет, конечно, этих стихов ни в одной из его книг. Сам Кадыр Гинаятович никогда не говорил мне о них. Но ведь коли написаны они на надгробье, то известны людям, и потому я осмеливаюсь привести здесь эти слова. Я узнал о них от его землячки, с которой мы вместе работаем в газете, и был потрясен искренностью, горечью и любовью, звучащей в этих стихах.

Поклонимся и мы памяти простой казахской женщины, матери поэта.

Что сказать, завершая этот очерк?

Все мы наделены «имени сладостным даром». Все мы обременены притяжением двух полюсов своего имени: верхним, где сияет первообраз совершенства, и нижним, где дышит смрадная геенна, так и норовящая тебя утянуть. Только святым удастся достичь божественного света верхнего полюса имени. Нам, грешным, вряд ли добраться до этих высот. Но приблизиться к ним можно.

Насколько хватит сил.

2002 г.

